

В.Э. Регель

**Журнал Министерства
Народного Просвещения**

Часть 270

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Э. Регель**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 270 / В.Э. Регель – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 88 с.

ISBN 978-5-4241-9035-3

Журнал Министерства Народного Просвещения.

ISBN 978-5-4241-9035-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

оно не забылось совершенно" (I, граеф.). „Года по Рождествѣ Господа я прибавилъ, однако, лишь начиная съ Боривоа, перваго католическаго князя, такъ какъ я не хотѣлъ къ началу книги дѣлать произвольныя указанія и не нашелъ также хронологіи, которая дала бы мнѣ возможность узнать, въ какое время все происходило" (ibid.). „О жизни и смерти этихъ первыхъ князей“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „исторія умалчиваетъ . . . ибо тогда не имѣлось лица, которое могло бы записать для потомства все, что ими содѣяно. Будемъ же молчать о томъ, о чемъ другіе умалчиваютъ" (I, 9). Изложеніе свое до-христіанскаго періода онъ заканчиваетъ словами: „И такъ какъ это сообщается изъ древняго времени, то предоставляемъ читателю судить о томъ, вѣрно ли оно, или же ложно" (I, 13).

Этими словами Козьма самъ опредѣляетъ цѣнность его указаній для времени, предшествующаго 894 г. Тутъ ему были извѣстны одни народныя сказанія, *senum fabulosa narratio*, которыя онъ намъ сообщаетъ *pro posse et posse, ne omnino relata traduntur oblivione*. Письменныхъ источниковъ у него для этого періода не было. Въ виду того, что и чужеземные писатели ничего не сообщаютъ о внутреннемъ положеніи Чехи за этотъ періодъ, оцѣнка историческаго значенія приводимаго Козьмой народнаго преданія можетъ быть достигнута не иначе, какъ посредствомъ тщательной внутренней критики его.

Первую главу составляетъ введеніе, въ которомъ Козьма повѣствуетъ, какъ, послѣ потопа, родъ человѣчскій, Вожьей карой разпавшійся на многіе языки, заселилъ, наконецъ, я Германію. Что подобнаго рода общія введенія были крайне излюблены историками среднихъ вѣковъ, въ томъ легко убѣдиться изъ сравненія текста Козьмы съ текстомъ Регинона, а послѣдняго въ свою очередь опять съ Павломъ Діакономъ.

Cosmas I, 1.

Regino ad a. 889.

Paulus Diaconus I, 1.

Unde humanum genus... Unde fit, ut tantae popu- Unde fit ut tantae popu-
 tandem has in partes de- pulorum multitudines arc- pulorum multitudines, arc-
 venit Germaniae: cum enim too sub axe orientur, ut too sub axe oriantur: ut
 omnis illa regio sub arc- non immerito universa illa non immerito universa illa
 too axe Thanaytenus et regio Thanai tenus usque regio Tanai tenus usque
 usque ad occidentum sita, ad occidentum, licet et pro- ad occidentum, licet et pro-
 licet in ea singula pro- priis loca in ea singula priis loca in ea singula nun-
 priis loca nominibus nun- nuncupentur nominibus, cupentur nominibus, gene-
 cupentur, generali tamen generali tamen vocabulo rall tamen vocabulo Ger-
 vocabulo Germania vocitatur. Germania vocitatur. mania vocitatur.
 tatur.

Со 2-й главы начинается *senim fabulosa traditio*, подъ чѣмъ Козьма понимаетъ все то, чего онъ не нашелъ записаннымъ, а именно не только краткія сказанія, но также и пѣсни въ собственномъ смыслѣ. Народныя сказанія слѣдующія: 1) сказаніе о прибытіи чеховъ подъ предводительствомъ *pater Voemis* (Чехъ) въ Чехію (I, 2); 2) сказаніе о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ — Казн, Тетѣ и Любушѣ (I, 3—4); 3) сказаніе о Премислѣ (I, 4—8); 4) сказаніе объ основаніи города Праги (I, 9); 5) сказаніе о дѣвчечьей войнѣ (I, 9); 6) сказаніе о Неклаві и Властиславѣ (I, 10—13). „Эти сказанія“, утверждаетъ Мейнертъ ¹⁾, „не одинаковой древности; въ наложеніи лѣтописца своеобразность и простота ихъ утратилась въ довольно значительной степени; отчасти это—объясненіе древнихъ названій мѣстностей; относятся они къ извѣстной части страны и ко внутреннимъ дѣламъ; отъ нихъ хотя и вѣетъ чисто азіатской пышностью славянскаго безвѣрія, но воинственный духъ чеховъ въ нихъ не выражается; они указываютъ на отличіе племенъ и сословій, на стремленіе пражскихъ герцоговъ къ верховной власти, на зависть и распри среди вельможъ, на любовь къ земледѣлію, на ростъ народонаселенія и на развитіе нравственныхъ началъ, на отвращеніе къ убійству, въ особенности князей и т. д.“. Поражаетъ то, что въ сказаніяхъ не только не встрѣчается никакихъ извѣстій о прежнихъ обитателяхъ Чехіи, бояхъ, маркоманнахъ и друг., но что въ нихъ также совершенно умалчивается о прежнихъ судьбахъ чеховъ въ обитаемой ими странѣ: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о великомъ государствѣ, основанномъ Само. Мы въ нихъ должны видѣть исключительно мѣстныя сказанія племени чеховъ, въ которыхъ повѣствуется о постепенномъ его распространеніи по остальной странѣ Чехіи и которыя, за исключеніемъ перваго сказанія, получили начало приблизительно въ X столѣтіи.

Въ каждомъ изъ этихъ сказаній нѣтъ историческая основа; слабѣ всего она выражена въ первомъ сказаніи, тогда какъ въ четвертомъ историческіе моменты уже довольно многочисленны. Въ нижеслѣдующемъ мы постараемся, на сколько возможно, выяснитъ отношенія каждаго изъ этихъ сказаній къ исторіи или, другими словами, выдѣлитъ всѣ историческіе моменты.

Козьма весьма поэтично описываетъ, въ первомъ сказаніи, прибы-

¹⁾ Die böhmischen Geschichtschreiber des ersten Zeitraumes, въ Wiener Jahrb. der Lit., томъ XV (1815), Anzeigebblatt, стр. 27.

tie pater Voesmus'a съ его спутниками въ мѣстность около горы Рипъ, между рѣками Огроу (Эгеромъ) и Вльтавой (Молдавой), въ страну съ потоками млека и меда, никому не подвластную. Въ умилеши онъ здѣсь утверждаетъ свои пенаты ¹⁾, лобзаетъ землю и въ обращеніи къ небеснымъ свѣтиламъ восклицаетъ: „Привѣтъ тебѣ, страна, судьбою намъ опредѣленная, нами столь горячо желанная, вѣкогда во время потопа отнятая у твоихъ прежнихъ обитателей. Храни насъ невредимыми, какъ сохранила памятники твоихъ прежнихъ обитателей, и размножай нашихъ потомковъ изъ рода въ родъ“. По имени его страна была названа Bohemia (I, 2).

Вопросъ о томъ, кто былъ „pater Voesmus“, во второй половинѣ прошлаго столѣтія вызвалъ горючую полемику; непосредственной причиной ея была предложенная въ 1765 году княземъ Яблоновскимъ въ Данцигскомъ Естественнаиспытательномъ Обществѣ тема на премію: „Возможно ли болѣе достовѣрными свидѣтельствами убѣдительнѣе, нежели до настоящаго времени то было сдѣлано, доказать прибытіе Леха въ Польшу между 550 и 560 годами, или же, наоборотъ, опровергнуть это мнѣніе? Одни, во главѣ съ Добнеромъ, силились привести доказательства бойскому происхожденію „Voesmus“ и доходили до того, что отождествляли его съ Сигвесомъ, подъ предводительствомъ котораго, по Титу Ливію ²⁾, бои завоевали Богемію, отъ нихъ получившую свое названіе. По мнѣнію другихъ, „pater Voesmus“ и „Voesmia“ представляли собой ничто иное, какъ латинскій переводъ Чеха и земли чеховъ ³⁾. При настоящемъ состояніи исторической науки врядъ ли можно еще хоть скольконибудь сомнѣваться въ неосновательности перваго предположенія: мы тутъ, очевидно, имѣемъ передъ собой народное сказаніе о томъ, какъ племя чеховъ, подъ предводительствомъ Чеха, завладѣло страной, получившей отъ него имя ⁴⁾.

¹⁾ J. Jireček, Dědky u Dalimila, вѣ Časopis muzea kral. Českého, 1861, стр. 358;—Studia z oboru mythol. české, ibid. 1863, стр. 268 слѣд.—Wocel, Pravek země české. V Praze 1868, стр. 384.

²⁾ V, 84; сравни Palacký, Dějiny, I, 1, стр. 41 слѣд.

³⁾ Приверженцы бойской теоріи: Dobner, Ad. Ann. Hayec., II, 23; Schlöser; нѣкто Ві..., вѣ Prager Gelehrte Nachrichten, I (1771), стр. 129 и сл., 161 слѣд. Защитники второй теоріи: G. H. Ayrer, Animadversiones ad historiam Lechi; S. N. Mossenski, In Dobneri de Lecho sententiam sticturatae; I. A. Jablonowsky, Lechi et Czechii adversus scriptorem recentissimum (sc. Dobnerum) vindiciae. Lips. 1771. Сравни объ этомъ рецензію упомянутаго Ві.

⁴⁾ Имя Čech впервые встрѣчается у Dalimil, Rýmovaná kronika česká, к. 2 (въ Fontes rer. Boh. III, 6 слѣд.). Сравни Palacký, Dějiny, I, 1, стр. 90, прим. 17.

Въ сказаніи имѣются лишь два историческихъ момента, именно самое имя чеховъ и гора Рипъ ¹⁾). Съ одной стороны въ немъ усматривается лишь позднѣйшаго времени попытка объяснить названіе народа и его происхожденіе, каковыя толкованія или объясненія мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ народовъ, напримѣръ, у сосѣдей чеховъ — поляковъ и германцевъ, въ древнемъ мірѣ у отдѣльныхъ греческихъ племенъ и т. д. Съ другой же стороны имя чеховъ въ связи съ горой Рипъ заставляетъ предполагать, что вблизи послѣдней, въ плодородной долинѣ нижней Вльтавы (Молдавы), находились древнѣйшія селенія племени чеховъ ²⁾).

Что все остальное, сообщаемое Козьмой во 2-й и большей части 3-й главы о Чехіи и ея обитателяхъ того времени, лишено историческаго содержанія; въ этомъ каждому легко убѣдиться. Поэтическое описаніе Чехіи отчасти соотвѣтствуетъ географическому положенію страны, насколько было оно извѣстно Козьмѣ, но при дальнѣйшемъ изображеніи первобытныхъ нравовъ чеховъ, весьма идиллическомъ и съ явнымъ намѣреніемъ представлять старину въ привлекательномъ свѣтѣ, Козьма вступаетъ въ разрядъ писателей о минимомъ золотомъ вѣкѣ, лишая этимъ свой разказъ прелести народнаго колорита. При сопоставленіи его въ этомъ мѣстѣ съ Воэціемъ и Регниномъ шаблонность его разказа становится очевидною.

Cosmas I, 3.

Regino ³⁾).

Voëcius ⁴⁾).

Felix nimium erat aetas illa, modico contenta sumptu, nec timido inflata fastu. Cereris et Bacchi munera haud norant, quia neque orant. Sera prandia solvebant glande vel ferina carne. Incorrupti lactices haustus dabant salubres.... Ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbas, frondosae arboris sub umbra dulces car-

Felix nimium prior aetas Contenta fidelibus armis Nec inerti perdita luxu, Facili quae sera solebat Ieiunia soluere glande. Non bacchica munera norant Liquido confundere melle Nec lucida uellera Serum Tyrio miscere ueneno. Somnos dabat herbasalubres Potumquoquelubricus amnis Umbras altissima pinus.

¹⁾ Dobner, Ad. Ann. Hayec., II, 22—23.

²⁾ Tomek, O starém rozdělení Čech na řupy, v Časopis, 1858, стр. 248; Wocel, I. c., 270 слѣд.

³⁾ Regino ad a. 889, в ММ. G. SS, I, 599—600. Региниомъ въ свою очередь замѣтвовалъ изображеніе у Юэтина, Hist. Phil., II, 2, ed. Duchner, стр. 23.

⁴⁾ Philosophiae Consolat., II, 5, ed. Peiper, p. 39—40.

pebat somnos. Lanae vel lini eis usus ac vestis ignotus, hieme ferinis aut ovinis pellibus utuntur pro vestibus... Nullum scelus apud eos furto gravius et latrocinio... Proh dolor! prospera in contraria, communia in propria cedunt; securam paupertatem olim amabilem quasi coenocam rotam vitant et fugiunt, quia amor habendi seuior ignibus Aethnae in omnibus ardet.

Utinam nodo nostra redirent
In mores tempora priscaos.
Sed saeuior ignibus Aethnae
Feruens amor ardet habendi.

Lanae his usus ac vestium ignotus, et quam continuis frigoribus afficiantur, pellibus tantum ferinis induuntur... Nullum scelus apud eos furti grauius.

Нѣкоторыя другія мѣста, очевидно, приводятся единственно съ цѣлю порицанія нравовъ и порядковъ его собственнаго времени. Въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы, напримѣръ, его слова: sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate ad illum confluebant ¹⁾; сюда же относится и описаніе брачной жизни, которая и въ другихъ мѣстахъ его хроники вызываетъ въ немъ негодованіе и служитъ предметомъ порицанія, здѣсь же является, такъ сказать, пародированной ²⁾.

Второе сказаніе повѣствуетъ о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ, Казѣ, Тетѣ и Любушѣ, которыя всѣ отличались необыкновенными дарованіями. Такъ, старшая изъ нихъ, Казѣ, въ знаніи свойствъ растеній и въ волшебствѣ не уступала Медѣ Колхидской, а въ врачевномъ искусствѣ Пэонію, ибо нерѣдко случалось, что Парки отказывались отъ своего смертоноснаго ремесла, и даже Судьба повиновалась ея пѣсни. Вторая, Тета, научила невѣжественный простодушный народъ чтить и поклоняться Ореадамъ, Дриадамъ и Амадриадамъ и ввела языческіе обряды. Третья и младшая, Любуша, превосходившая мудростью сестеръ, ибо всѣхъ женщинъ была замѣчательна, обдумчива въ совѣтѣ, отважна въ рѣчахъ, никому не уступала въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, по отношенію ко всѣмъ была снисходительна

¹⁾ *Jireček*, Slov. pravo, II, 224; *Recht in Böhmen u. Mähren*, II, 125 и 126. *Brandl*, Glossarium illustrans bohemicomoravicae historiae fontes. Brünn 1876, стр. 282.

²⁾ Сравни, напримѣръ, сѣваніе по этому же поводу св. Адальберта (I, 29); заглавіе I, 36; опредѣленія князя Врестислава I (II, 4) и пр. Смотря объ этомъ также *Ginsel*, Geschichte der Slawenapostel Cyrill u. Method u. der slawischen Liturgie. Wien 1861, стр. 63, прим. 1.

и со всѣми общительна, краса и слава женскаго рода. Будучи въ то же время пророчицей и предсказывая часто и вѣрно народу будущее, она по смерти отца, при всеобщемъ одобреніи, была избрана судьей (II, 34).

Въ этомъ сказаніи историческіе моменты замѣтно усилятся. Оно связано съ 4 памятниками, которые сохранились до временъ Козьмы, именно городъ Крока: ex cuius vocabulo castrum iam arboribus obsitum in silva, quae adiacet pago Stybeczne ¹⁾, situm esse dinoscitur (I, 3)²⁾; курганъ Казн: eius usque hodie cernitur tumulus, ab incolis terrae ob memoriam suae dominae nimis alte congestus, super ripam fluminis Mse, iuxta viam, qua itur in partes provinciae Bechin, per montem, qui dicitur Osseca (I, 4)³⁾; городъ Тети: quae ex suo nomine Tethin castrum natura loci firmissimum, praeruptae rupis in culmine iuxta fluvium Msam aedificavit (ibid.)⁴⁾; наконецъ, городъ Любуши: quae etiam urbem tunc potentissimam iuxta silvam, quae tendit ad pagum Stebecnam construxit, et ex suo nomine eam Lubossin vocitavit (ibid.)⁵⁾. Если уже въ первомъ сказаніи гора Рипъ указывала, что тамъ находились древнѣйшія поселенія племени чеховъ, то мѣстѣ это подтверждается существованіемъ развалинъ трехъ городов. Последніе служатъ вамъ свидѣтельствомъ, что эта мѣстность вообще должна быть принимаема за центръ земли чеховъ. Города тѣсно свя-

¹⁾ *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Altthümer, въ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, Neue Folge, V (1836), стр. 118. *Komárek*, Die polnische Kolonie der Heddané in Böhmen, *ibid.*, VI Folge, томъ II (1869), стр. 4

²⁾ *Schaller*, Topographie des Königreich Böhmen. Prag 1785—92. I, 140. *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 103, прим. 80 и 31. *Tomek*, *Dějepis m. P.*, стр. 6, прим. 10; *O Star. rozd. Čech*, въ *Časopis*, 1858, стр. 246, 249. *Wocel*, *Pravák*, стр. 401.

³⁾ На томъ же мѣстѣ находился, по словамъ Козьмы, также городъ: castrum, quod est situm in monte Osseca iuxta flumen Msam (I, 27). По Далмичаю, гл. 8, это былъ городъ Казинъ: Kazé sediele na Kaziné (F. R. B, III 9). Сравни *Kalina v. Jäthenstein*, Ueber die muthmassliche Lage des Berges Osek am Flusse Mse, wohin Cosmas den Tumulus der Kasí veretzt; въ *Abh. d. k. b. G. d. W.*, V Folge, томъ II, Sectionsber. стр. 8 слѣд. *Dobner*, *Ad. Ann. Naturc.*, II, 51, 53, 107 слѣд. *Tomek*, *Dějepis*, стр. 6, прим. 10 и стр. 37; *O star., rozd. Čech*, I, c., стр. 249, 251.²⁾ *O panství rodu Slawnikowa w Čechách*, въ *Časopis* 1852, IV, стр. 50 слѣд. *Dobrowsky*, Ueber die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt u. der Böhmen insbesondere, въ *Abh. d. b. G. d. W.*, II (1786), стр. 338 слѣд. *Коммарецкіѣ*, О погребальныхъ обрядахъ языческихъ славянъ. Москва 1868, стр. 98 слѣд.

⁴⁾ *Dobner*, о. с., II, 116 слѣд. *Schaller*, о. с., VIII, 31. *Tomek*, *Dějepis*, стр. 6, прим. 10; *O star. rozd. Čech*, I, c., 249, 251. *Wocel*, о. с., 402.

⁵⁾ *Dobner*, о. с., II, 112—117. *Schaller*, о. с. I, 172. *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidn. Opferplätze etc., I, c., стр. 106 слѣд. *Tomek*, *Dějepis*, I, c.; *O star. rozd. Čech*, I, c., стр. 246, 249, 251. *Wocel*, о. с., 403 сл.

заны съ древнѣйшею исторіей страны и чешскія народныя сказанія въ нихъ имѣютъ твердую топографическую точку опоры. Возникновеніе ихъ можетъ быть отнесено по крайней мѣрѣ къ началу VIII столѣтія.

Народное сказаніе стронителями этихъ городовъ называетъ Брока и его трехъ дочерей, одаренныхъ сверхъестественными силами. На основаніи необычайныхъ свойствъ, приписываемыхъ имъ въ сказаніи ¹⁾, ихъ своеобразныхъ именъ, имѣющихъ мнѣмчeskій оттѣнокъ, которыя при томъ были перенесены также и на ихъ города, и въ виду того, что самые города сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, въ серединѣ страны,—сдѣланы были попытки происхожденіе этого сказанія объяснить мнѣологическимъ путемъ. Возможно, дѣйствительно, какъ предполагаетъ Томекъ ²⁾, что гора Рипъ для чешскихъ племенъ и была тѣмъ, чѣмъ, по Гитмару Мерзбургскому, для славянъ въ Силезіи являлась Шоботка (Цобтенбергъ), именно мѣстомъ для большихъ богослужебныхъ празднествъ, въ которыхъ участвовалъ весь народъ. Мы рѣшаемся далѣе также не прямо отвергать, что означенные города, какъ старается доказать Ганушъ ³⁾, были мѣстомъ національныхъ святилищъ и что первоначальный политическій центръ Чехинъ въ то же время являлся религиознымъ центромъ, такъ что въ князѣ срединной части воплощался не только глава-патріархъ всей страны; но и глава ея въ религиозномъ отношеніи. Исслѣдованіе этого вопроса привело бы, однако, всецѣло въ область мнѣологій, такъ что мы должны отказаться отъ выясненія мнѣмчeskаго элемента разсматриваемаго сказанія. Мы ограничиваемся указаніемъ его очевиднаго сходства съ польскимъ сказаніемъ о Крокѣ: онъ пріобрѣтаетъ власть надъ поляками и, благодаря своимъ мудрымъ законамъ и строгому отправленію суда, дѣлается благодѣтелемъ своего народа, который въ честь его стронитъ городъ Краковъ; и у него трое дѣтей: два сына и дочь по имени Ванда, которая по смерти отца правитъ страню ⁴⁾.

¹⁾ Сравни особенно относительно введенныхъ Тетей обычаевъ: *Среднеоскскій, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ*. Харьковъ 1846, стр. 24, 28, 30, 33 слѣд., 56, 61, 70, 94. *Wosel*, о. с., стр. 363, прим. 2, стр. 877, 888.

²⁾ *Apologie*, стр. 44.

³⁾ Hanuš, *Der mythische Antheil, der in den Sagen von Čech, Krok, Libuša und Přemysl enthalten ist*, въ *Sitzungsberichte d. kgl. böhm. Ges. der Wiss. in Prag*, 1866, I, стр. 28 слѣд.

⁴⁾ *Нанусъ*, I. с. и *К. Л. Краусъ*, *Forschungen auf dem Gebiete der deutsch-slawischen Geschichte*. Th. I. *Zur Kritik des Kosmas v. Prag und der ältesten Geschichte Böhmens*, стр. 3.

Въ четвертомъ сказаніи повѣствуется объ основаніи города Праги въ слѣдующихъ пророческихъ словахъ Любуши. „Вотъ, я вижу городъ, слава его доходитъ до небесныхъ свѣтилъ, невзрачное селеніе, находящееся въ лѣсу, въ тридцати миляхъ отсюда, омываемое волнами Вльтавы. Съ сѣвера его защищаетъ протекающій въ низкой долиніи ручеекъ Бруска, на югъ возвышается гора, которая, по причинѣ своихъ скалъ, называется Петринь; послѣдняя извивается на подобіе дельфина или морской свиньи и тянется до означеннаго ручейка. Если вы туда придете, то посреди лѣса увидите человѣка, который готовитъ пороги для дома, и такъ какъ нижайшему порогу кланяются великіе владетелины, то и вы, соответственно этому, городъ, который тамъ постройте, должны назвать Прагой“ (I, 9).

Историческое значеніе этого сказанія крайне ничтожное. Если оставить въ сторонѣ описаніе мѣстоположенія Праги, которое, понятно, заимствовано изъ времени Козьмы, то для опредѣленія мѣстоположенія остается только этимологическое объясненіе названія города. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на вѣрное производство отъ слова *práh* (порогъ), объясненіе названія города все таки понято не вѣрно и что на него нельзя смотрѣть иначе, какъ на позднѣйшую неудачную попытку. Наибольшую правдоподобность слѣдуетъ признать за мнѣніемъ Пельцля¹⁾, по которому это названіе объясняется положеніемъ города у водопада, который ручеекъ Бруска нѣкогда образовалъ въ Оленьемъ рвѣ. Прага, общераспространенное славянское слово, уже въ X столѣтіи было извѣстно для обозначенія Днѣпровскихъ пороговъ; въ чешскомъ первоначально употреблялось *prag*, затѣмъ *práh*, послѣ же *práh*, но уже въ переносномъ смыслѣ (порогъ дома)²⁾.

Сказаніе связываетъ основаніе Праги съ именемъ Любуши. Но

¹⁾ Ueber den Ursprung und Namen der Stadt Prag, вь *Neuere Abh. d. K. b. G. d. W.*, томъ II-й (1795), стр. 112 слѣд.

²⁾ Мнѣніе Пельцля раздѣляетъ *Jungmann* въ его словарѣ. По мнѣнію *Tomka*, *Dějepis města Prahy*, I, стр. 4, прим. 2, имя Прага происходитъ отъ *práiti* и обозначаетъ мѣсто въ лѣсу, вырубленное и очищенное для поселка. Одного мнѣнія съ нимъ *Jos. und Herm. Jireček*, *Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Prag 1862*, стр. 104, прим. 1. *Palacký*, *Dějiny*, I, 1, стр. 106, прим. 37 не высказывается опредѣленно. Въ послѣднее время этикъ вопросомъ занимались: *Kalina v. Jäthenstein*, *Böhmens heidn. Opferplätze*, I. c., стр. 229; *Komárek*, вь *Politik*, 1869, № 116 и 128; *M. Hattala*, оелетомъ вь *Politik*, № 187; *Kouba*, вь *Programm des deutschen Gymnasiums 1870*. Сравни объ этомъ также *F. Benč*, *Staré věze hradu Praiského*, вь *Památky*, IX, 665 сл.

такъ какъ существованіе послѣдней какъ исторической личности вовсе не удостоѣрено, то становится очевиднымъ, что и этой сторонѣ сказанія нельзя придавать особеннаго значенія. На древнее языческое происхожденіе города во всякомъ случаѣ указываетъ сообщаемое Козьмой названіе возвышеннаго мѣста въ немъ Жижи: *in media urbe eminentior locus, qui dicitur Zizi* (I, 36) ¹⁾.

Въ пятомъ сказаніи описывается дѣвичья война. Дѣвушки страны: подобно амазонкамъ, владѣли оружіемъ, избирали себѣ предводительницъ и, какъ мужчины, занимались охотой. Черезъ это онѣ стали столь отважными, что на скалѣ, неподалеку отъ Праги, построили укрѣпленный городъ, который по себѣ назвали Дѣвиномъ. Когда юноши увидѣли это, они очень озлились, собрались въ еще большемъ количествѣ и на другой скалѣ, которая отстояла не болѣе, какъ на трубный звукъ, построили городъ, носившій во времена Козьмы названіе Вышеграда, но который тогда, по причинѣ росшихъ тамъ кустарниковъ, называли Hrasten. Такъ какъ дѣвушки нерѣдко оказывались хитрѣе юношей, послѣдніе же иной разъ сильнѣе ихъ, то между ними постоянно чередовались война и миръ (I, 9).

Ясно, что и тутъ этимологическое толкованіе разореннаго города Дѣвина ²⁾ составляетъ главную основу этого страннаго или своеобразнаго сказанія. Провзведено ли названіе просто отъ слова *děva* или отъ имени богини Дѣвы (*Děva*) ³⁾, историческое содержаніе сказанія отъ этого нисколько не увеличится. Оно ограничивается только Вышеградомъ: *urbs, quam moderni nuncupant Wissegrad, tunc autem ab arbustis traxerat nomen Hrasten* ⁴⁾, и находящимся напро-

¹⁾ *Tomek, Příbeh o dobyté Prahy od knížete Oldřicha na Boleslawowi Chrabrém r. 1004* (въ *Časopis* 1849, II), стр. 32, прим. 3, и *Dějepis m. P.*, I, 17 полагаетъ, что Жижи имѣетъ мненческое значеніе и что въ немъ сохранилась память о прежнемъ языческомъ культѣ въ этомъ мѣстѣ. *Hanuš, Děva zlatovalasá bohyně pohanských Slovanův* (въ *Abh. d. k. b. Ges. d. Wiss.*, 11 Folge, томъ II), стр. 259 слѣд., и *Mythische Antheil*, I, с., стр. 31, старается доказать, что здѣсь было мѣсто религіознаго культа божества Дѣвы (Любуши) и Сватовита (Пресмысла). Наконецъ *Wocel, Právěk*, стр. 374 высказываетъ мнѣніе, что здѣсь поклонялись Жижи, богинѣ плодородія, римской Церера, у литовцевъ Жижа.

²⁾ *Tomek, Stará svědectví o hradu Dėwinu blíž Prahy*, въ *Časopis*, 1846, стр. 730 слѣд. *Dějepis m. P.*, I, 5. *Wocel, Právěk*, стр. 404.

³⁾ Уже *Tomek, Děj.* m. P., I, 5, указалъ на вѣроятное мненческое происхожденіе имени. Сравни *Hanuš, Děva*, I, с., стр. 272; *Myth. Antheil*, I, с., стр. 29 слѣд. *Костомаровъ*, Славянская мнелогія. Кіевъ 1847, стр. 43.

⁴⁾ *Tomek*, I, с. высказываетъ предположеніе, что названіе *Chrwasten* только поэтическое прозвище и что городъ въ народныхъ пѣсняхъ обозначался: *Wyšegrad chrwasten*, то-есть обросшій кустарникомъ.

тивъ его разоренный городомъ Дѣвиномъ. Какъ упоминаемъ въ сказаніи о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ города, такъ и приводимъ въ двухъ послѣднихъ сказаніяхъ города — Прага, Вышеградъ и Дѣвинъ — указываютъ на центръ страны чеховъ. Они свидѣлствуютъ о постепенномъ сосредоточеніи этого племени и объ увеличивающемся его централизирующемъ значеніи во всей странѣ.

О третьемъ сказаніи намъ приходится говорить только теперь, такъ какъ оно по своему происхожденію, несомнѣнно, болѣе позднее, чѣмъ два ему предшествующія. Сказанія о Крокѣ и его дочеряхъ, а также о Прагѣ и дѣвичьей войнѣ были тѣсно связаны съ упоминаемыми въ нихъ городами. Въ первомъ связывающее начало составляло воспоминаніе о сохранившихся памятникахъ, въ двухъ послѣднихъ разказъ выведенъ изъ объясненія имени. Между тѣмъ, въ третьемъ сказаніи мы встрѣчаемъ уже подробное преданіе въ родѣ тѣхъ, какія доходятъ до насъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ немъ описывается недовольство народа приговоромъ Любуши и его желаніе имѣть князя. Посланцы Любуши и народа спѣшатъ въ Стадицы, на рѣкѣ Билѣ, гдѣ они застаютъ Премысла пашущимъ, и привѣтствуютъ его, счастливаго челоуѣка, какъ „князя богами предопредѣленнаго“. Послѣдній надѣваетъ на себя княжескую одежду и обувь и отправляется въ замокъ, гдѣ празднуетъ свое бракосочетаніе съ Любушей (I, 48).

И въ этомъ сказаніи мы находимъ три историческихъ момента; во первыхъ, упомянутый городъ Любуши; во вторыхъ, поле Премысла близъ Стадиць: *est fluvius non adeo magnus nomine Beltina, cuius super ripam dinoscitur esse villa nomine Stadici; huius in territorio est novale unum, in longitudine et in latitudine XII passuum* (I, 5)¹⁾; въ третьихъ, наконецъ, обувь Премысла, которую показывали еще во времена Козьмы: *tulit secum suos coturnos ex omni parte consutos, quos fecit servari in posterum, et servantur Wissegrad in camera ducis usque hodie et in sempiternum* (I, 7)²⁾. Очевидно, что здѣсь историческій элементъ значительнѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ сказаніяхъ: не только одно имя Премысла связано съ тремя памятниками, но и послѣдніе опредѣляются гораздо точнѣе. Во то время какъ до сихъ поръ мы были ограничены въ центрѣ Чехіи, на области племени чеховъ, Стадицы указываютъ на болѣе отдаленную мѣстность, на область другаго племени, вѣроятно лемузовъ. Приведеніе

¹⁾ F. Benč, Stadice, въ Památky arch. a míst., VII (1886), стр. 35 слѣд.

²⁾ Dobner, l. c., 161. Palacký, Dějiny, I, 1, стр. 108, примѣч. 35.